

Ульян Демьянов

ТРАВНИК
Мёртвая голова

18+

Ульян Демьянов

Травник. Мёртвая голова

«Автор»

2026

Демьянов У.

Травник. Мёртвая голова / У. Демьянов — «Автор», 2026

Ландшафтный дизайнер Вера получает заказ на редкое растение «мёртвая голова» и отправляется в глухую сибирскую деревню. Местные боятся произносить имя местного знахаря, но Вера не верит в суеверия — пока не встречает его самого. Он лечит, поит травяным чаем и обещает: «Три дня — и цветок покажется». Но с каждым глотком память стирается, границы реальности размываются, а лес перестаёт быть чужим. Что, если спасение — лишь часть ритуала? И кто на самом деле хозяйничает в её сознании? Психологический триллер с элементами тёмной романтики и магического реализма. Повествование, где реальность и иллюзия сплетаются до неузнаваемости.

© Демьянов У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Нафталин	5
Глава 2. Тайлак	7
Глава 3. Прокоп	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ульян Демьянов

Травник. Мёртвая голова

Глава 1. Нафталин

Чай пах странно: как будто в обычную заварку бросили горсть сушёных цветов — что-то сладковатое, с кислинкой. Хозяйка смотрела — пришлось отпить. Свет в комнате на секунду дрогнул. Вера взглянула на окно: за стеклом ветер раскачивал ветки.

— Хорошо, — сказала Вера.

Тепло разлилось в груди за секунду — быстрее, чем от обычного чая. Вера хотела удивиться, но мысль растаяла.

Марьяна Антиповна сидела в кресле, выпрямив спину так, будто у неё позвоночник был железный. Руки хозяйка положила на колени, и за всё время разговора ни разу не шевельнулась. Словно проросла в обивку. Вере стало не по себе — слишком неподвижно для живого человека. Лицо у неё было асимметричное — левая бровь выше правой, уголки губ опущены, но это не выглядело ни грустно, ни строго. Просто такое лицо. Вера подумала: может, у неё нерв защемлён? Или в молодости была травма?

— Я редко кого приглашаю, — сказала Марьяна Антиповна. Голос тихий, без резких интонаций. Так, наверное, говорила бы паточка, если бы умела говорить. — Но мне нужен тот, кто понимает. Понимает, что сад — это не клумбы и газон.

Вера кивнула. Она слышала это много раз, от разных заказчиков. Сад — это философия. Сад — это высказывание. Сад — это продолжение души. Ладно. Она привыкла.

В комнате пахло фиалкой. И ещё чем-то, что Вера не сразу узнала, а когда узнала — удивилась: нафталином. Так пахло в шкафу у бабушки, которая умерла, когда Вера училась в институте. Она вдруг отчётливо вспомнила этот шкаф, тёмного дерева, с резными ручками, и как она, маленькая, залезла внутрь и дышала этим запахом. Странно. С чего бы сейчас?

Она перевела взгляд на подоконник. Там теснились горшки с растениями — несколько штук, с наклейками на каждом. Что-то написано от руки, мелко, не разглядеть. Растения тёмные, мясистые — может, какой-то суккулент, может, что-то из паслёновых. Вера не всматривалась.

— Я хочу ядовитый сад, — сказала Марьяна Антиповна. — Не декоративный. Не страшный с виду. Настоящий. Чтобы каждое растение было опасным, но при этом — красивым. Понимаете разницу?

— Понимаю, — сказала Вера. — У меня был опыт с аконитами, клещевинной, наперстянкой.

— Это всё обычное. — Марьяна Антиповна чуть наклонила голову. — Мне нужно то, чего нет в каталогах. То, что не продают в питомниках.

Что ж, бывает. Вера имела дело с коллекционерами — люди с деньгами часто хотели чего-то «не как у всех». Один просил чёрные тюльпаны, другой — орхидею, которая пахнет шоколадом. Ядовитый сад — новое, но не самое странное пожелание.

— Есть одно растение, — сказала Марьяна Антиповна. — В тайге. В Сибири. Местные называют его «мёртвая голова».

Вера хотела спросить: а латинское название, семейство? Но не спросила. Что-то отвлекло. Она снова потянулась к чашке, сама не заметив — просто рука поднялась и поднесла чай к губам. Глоток. Вкус стал глубже, теплее, и на секунду ей показалось, что комната изменилась. Тени легли иначе. Или свет стал желтее.

— А вы, Вера, одна в Москве живёте? Родня? Муж?

Вопрос прозвучал обыденно — словно про погоду или про то, как Вера добралась.

— Нет. Я одна.

— Одна — это удобно. — Марьяна Антиповна смотрела на Веру. — Никто не дёргает, не спрашивает, где вы и когда вернётесь.

Вера допила чай. Поставила чашку на блюдце — и вдруг заметила, что не помнит, делала ли она второй глоток. Или третий. Вкус ещё был на языке, а сам момент — стёрся. Бывает. Устала, наверное.

— Растение, — напомнила Вера. — Мне бы знать точнее.

— Вы найдёте. Я в вас не сомневаюсь.

И тут Вера вдруг подумала: «Старые Глухари». Название всплыло в голове целиком, как будто она всегда его знала. И маршрут следом: поезд, потом автобус, потом пешком. Она никогда не слышала про эту деревню. Она вообще не знала, что такая есть. Но знание было — чёткое, ясное, как строка в ежедневнике.

«Так не бывает», — подумала она. Может, читала где-то когда-то. Прочитала, забыла, а сейчас — вспомнила. С профессионалами такое случается.

— Старые Глухари, — сказала она вслух.

Собственный голос прозвучал странно. Как будто она говорила не в гостиной с тяжёлыми шторами, а в пустой бочке. Короткое эхо — и тишина. Акустика, наверное. Старый дом, высокие потолки, много дерева.

Марьяна Антиповна не кивнула, не подтвердила. Только бровь — ту, что выше, — чуть приподняла.

— Счастливого пути, — сказала она.

Вера встала. Голова была ясная. Почти. Она попрощалась, вышла в прихожую, потом на крыльцо.

Дверь закрылась мягко, без щелчка.

Она пошла по дорожке к калитке. Тени от старых лип падали на гравий, и воздух был прохладный, влажный — хотя день стоял тёплый. Участок казался запущенным, но дорожки были чистыми, кусты подстрижены так, чтобы создавать лабиринт. Всё здесь было устроено с умыслом. Просто умысел этот не имел ничего общего с обычным садом.

У калитки она обернулась. Дом стоял серый, с плотно зашторенными окнами, и почему-то казался больше, чем когда она входила.

Вера села в машину. Завела двигатель. В голове прочно сидело: «Старые Глухари. Поезд. Потом автобус. Потом пешком».

Она выехала на трассу и, только когда за окнами замелькали многоэтажки, подумала: а всё-таки, откуда она это взяла? Марьяна Антиповна сказала только «тайга» и «Сибирь». Не называла ни деревни, ни маршрута. Вообще ничего конкретного.

Вера замерла на секунду, пытаясь восстановить картину. Чай. Горшки с наклейками. Женщина в кресле с прямой спиной. А потом — пробел. Просто гладкое место в памяти, где не за что зацепиться. Она попыталась ещё раз. Пустота.

Но знание было. Конкретное. Она знала, куда ехать.

Вера пожала плечами и перестроилась в левый ряд. Наверное, прочитала об этом когда-то. В какой-то статье, в блоге, в комментариях на форуме. Информация отложилась, а теперь всплыла. Такое бывает. Она профессионал, у неё заказ, и она знает, что делать.

И вообще — сильно ли она обо всём этом думала? Да нет. Почти не думала. Просто ехала и смотрела на дорогу.

Глава 2. Тайлак

Деревня Старые Глухари. Десяток домов по обе стороны улицы, покосившиеся заборы, огороды, заросшие лебедой. И тишина. Автобус высадил её у магазина с облупившейся вывеской, на которой ещё угадывалось слово «Продукты», и уехал, оставив за собой облако пыли.

Вера поправила лямки рюкзака. Возле магазина курили двое мужчин. Один в старом пуховике, второй — в застиранной фуфайке. Они смотрели на неё без враждебности, но и без особого интереса — просто потому, что она была на улице единственным живым существом, кроме них.

Она кивнула. Они кивнули в ответ.

Вера застегнула куртку. День был пасмурный, небо низкое, и краски вокруг казались выцветшими, как старая фотография. Она прошла к краю деревни, где дорога уходила в лес, и увидела мужчину, который чинил забор. Он забивал гвоздь, да промахивался — молоток соскальзывал со шляпки, оставляя вмятины на сырой доске. Руки у него были большие, ногти обломанные, с каймой грязи. Он поднял голову, когда она подошла, и его глаза — какие-то слишком маленькие на широком красноватом лице — скользнули по её лицу, по куртке, по ботинкам и ушли обратно к доске.

— Мне нужен проводник, — сказала Вера. — В лес. Я заплачу.

Мужчина перестал стучать. Медленно, будто нехотя, повернулся к ней. От него пахло перегаром и дешёвым табаком.

— Некогда мне. Забор вон надо чинить.

— Пять тысяч.

— И неохота куда-то идти.

— Десять.

Он отвёл взгляд. Потом вдруг повернулся к ней, и голос его упал:

— Там Тайлак. Не ходи.

Слово царапнуло слух — незнакомое, какое-то непривычное. Не русское, что ли.

— Кто это — Тайлак? — спросила она.

Он не объяснил. Просто смотрел на неё, и в его глазах было что-то, что Вера не могла прочитать. Страх? Да нет, не страх — скорее, суеверный ужас пополам с чем-то ещё.

— Это местный? — уточнила Вера. — Лесник? Кто?

— Не ходи, — повторил он. — Никто туда не пойдёт. Ты тоже не ходи. Не вернёшься.

Он сплюнул через левое плечо и взялся за молоток. Стукнул раз, другой, третий, и по его спине Вера поняла, что разговор окончен.

Странно.

Она постояла ещё минуту, глядя на то, как он забивает гвозди — слишком быстро, слишком нервно для человека, который просто чинит забор. Потом развернулась и пошла к лесу.

Дорога за деревней превратилась в колею, заросшую травой. Вера шла быстро, не глядя под ноги. Навигатор не работал — связи не было, — но ей и не нужно было. Она знала, куда идти. Чувствовала направление так же отчётливо, как твёрдую почву под ногами.

Лес начался сразу, без опушки. Сосны, ели, подлесок из кустарника и папоротника. Свет померк, стал рассеянным, без теней. Пахло хвоей и прелой листвой. Где-то далеко стучал дятел — единственный живой звук в этом мёртвом покое.

Она шла уже час, когда начала чувствовать — что-то не так. Какое-то ощущение взгляда между лопаток. Она обернулась. Никого. Только стволы, ветки, мох. Пошла дальше. Снова обернулась. Никого. Но ощущение не уходило — кто-то смотрит.

Она ускорила шаг. Теперь она уже не шла — почти бежала, хотя старалась держать себя в руках. И тут впереди, поперёк тропы — волк.

Вера замерла.

Он был большой. Она смотрела на него снизу вверх — тропа шла под уклон. Шерсть серая, свалывшаяся, с рыжиной на загривке. Глаза смотрели прямо на неё. Волк не рычал, не скалился. Просто стоял и ждал.

Вера медленно выдохнула. Главное — не бежать. Не поворачиваться спиной. Она начала отступать — шаг, другой. Волк качнул головой, и в этом движении мелькнуло что-то такое точное, такое рассчитанное, что у неё похолодело в груди.

Третий шаг.

Он прыгнул.

Дальше всё было как в замедленной съёмке. Она видела, как его тело летит к ней — длинное, вытянутое, лапы с растопыренными когтями. И звук пропал. Вера открыла рот и не услышала собственного крика. А потом время с треском встало на место, звук вернулся — резкий, с металлическим звоном в ушах, — и она упала.

Боль пришла не сразу. Сначала — только удар и тяжесть, запах мокрой шерсти и горячее дыхание на лице. А потом — острая, режущая, в предплечье. Клыки сомкнулись на руке. Вера попыталась ударить, вывернуться, но он был слишком тяжёлым.

А потом он исчез.

Просто. Вдруг. Тяжесть пропала, и сверху был только серый свет сквозь ветки. Вера лежала на спине, глядя в небо, и не могла понять — что случилось?

Она повернула голову.

Рядом стоял мужчина.

Высокий. Жилистый. Волосы тёмные с проседью, собраны на затылке. Борода густая, с запутавшимися травинками. Одет просто: льняная рубаха, ремень, сапоги. В руке — что-то тёмное. Палка? Нож? Она не разглядела — предмет быстро исчез, будто растворился.

Мужчина не выглядел встревоженным. Просто стоял и смотрел на неё.

— Не двигайся, — сказал он.

Голос низкий, с растянутыми гласными. Он опустил на корточки, взял её за запястье — рука твёрдая, сухая, с бугристыми венами и мелкими шрамами. Сдвинул рукав, повернул рану к свету.

— Жить будешь.

— Кто вы? — спросила Вера. Голос был чужой. Или это оттого, что она не слышала его сквозь звон в ушах.

Он не ответил. Достал из-за пояса тряпицу, начал перевязывать ей руку. Быстро, умело. Вера стиснула зубы. Когда он затянул узел, боль стала тупой, пульсирующей. Уже легче.

— Здешний я, — сказал он наконец. — Живу здесь.

Он помог ей подняться. Рюкзак оттягивал плечи, но мужчина подхватил его одной рукой, как будто это был не груз, а так, мелочь. От него пахло дымом, кореньями и чем-то сладковатым, что Вера не могла определить. Или не хотела.

— Вы шли за мной? — спросила она.

— Лес не место для одного, — ответил он. — Особенно для того, кто не знает дороги.

— Я знаю дорогу.

Он посмотрел на неё — и в его глазах, серых, светлых, что-то мелькнуло. Интерес? Оценка? Насмешка?

— Куда же ты шла?

Вера открыла рот. И закрыла. Она не знала. Она знала, куда идти — но не знала, как описать это место.

— Я приехала за растением, — сказала она наконец.

Он кивнул — так, будто услышал именно то, что ожидал.

— Пойдём, — сказал он. — До моего дома недалеко.

Он взял рюкзак и пошёл вглубь леса. Вера двинулась за ним, чувствуя, как кровь пропитывает повязку. Лес смыкался за спиной. Впереди между стволами шёл человек, который даже не представился. А она толком и не спросила.

Голова была тяжёлой. Всё, что имело значение, — не споткнуться о следующий корень.

Глава 3. Прокоп

Дом, к которому он её привёл, был добротным срубом из тёмного леса, сложенным так ладно, что ни одной щели. Окна маленькие, но не слепые — изнутри, наверное, свет давали. Крыльцо высокое, дверь тяжёлая, с кованой ручкой.

Он толкнул дверь, пропуская её вперёд.

Внутри пахло сушёными травами. И чем-то ещё, чего Вера не могла опознать. Сушёные пучки висели под потолком, над печью, на стенах — целые ряды. Листья, стебли, корни, одни ещё гибкие, другие иссохшие до хрупкости.

Посреди комнаты стоял стол из нестроганных досок — грубый, тяжёлый. На нём — несколько глиняных кружек, миска, нож с потёртой рукоятью. В углу — лежанка, застеленная льняной тканью. Ничего лишнего.

Он поставил рюкзак в угол, прошёл к печи, загремел заслонкой. Вера осталась стоять у порога, разглядывая полки, уставленные банками и горшками. Наверняка настойки и сборы. У неё у самой в московской квартире была полка с травами — просто там было в несколько раз меньше.

Он вынес миску с тёплой водой и чистую тряпицу. Поставил на стол. Жестом указал на табурет.

— Садись. И куртку скинь.

Вера села, осторожно стянула куртку с больной руки. Он опустился напротив, взял её за запястье, начал смывать кровь. Движения у него были плавные, змеистые. Пальцы грубые, ногти тёмные, с въевшейся землёй, а касания — лёгкие, почти невесомые. Странный контраст.

— Повезло, — сказал он. — Зубы неглубоко прошли. Заживёт.

— Откуда там волк? — спросила Вера.

— Лес есть лес.

— Но он исчез. Куда?

Он промолчал. Наложил на рану какую-то мазь из банки — тёмную, резко пахнущую горечью — и принялся перевязывать. Вера смотрела на его пальцы. Грубые, бугристые, а бинт завязывали ровно, аккуратно, без единого лишнего движения.

— Кто вы? — спросила она снова.

Он поднял голову. Свет от печи падал сбоку, оставляя одну половину лица в тени, а другую — в дрожащем, тёплом свечении.

— Прокоп, — сказал он.

Просто. Без фамилии. Прокоп.

Вера кивнула. Имя было старомодное, какое-то дремучее. Но ему шло. Она попыталась представить его в городе, в метро, в офисном костюме — не смогла. Прокоп. Только здесь, только в лесу.

— Как ты здесь оказалась? — спросил он.

И Вера вдруг поняла, что не знает, как. Она знала, зачем. Но кто сказал ей идти именно сюда? Заказчица? Да нет, та вообще ничего конкретного не говорила.

Она не помнила.

— За растением приехала, — сказала она. — Я ландшафтный дизайнер. Мне заказали найти одно растение — «мёртвая голова».

Он никак не отреагировал. Только кивнул, будто услышал что-то привычное.

— Знаю такое, — сказал он. — Не сразу даётся. Не каждому.

— Где оно растёт?

Он закончил перевязку, убрал грязную тряпицу в миску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.